

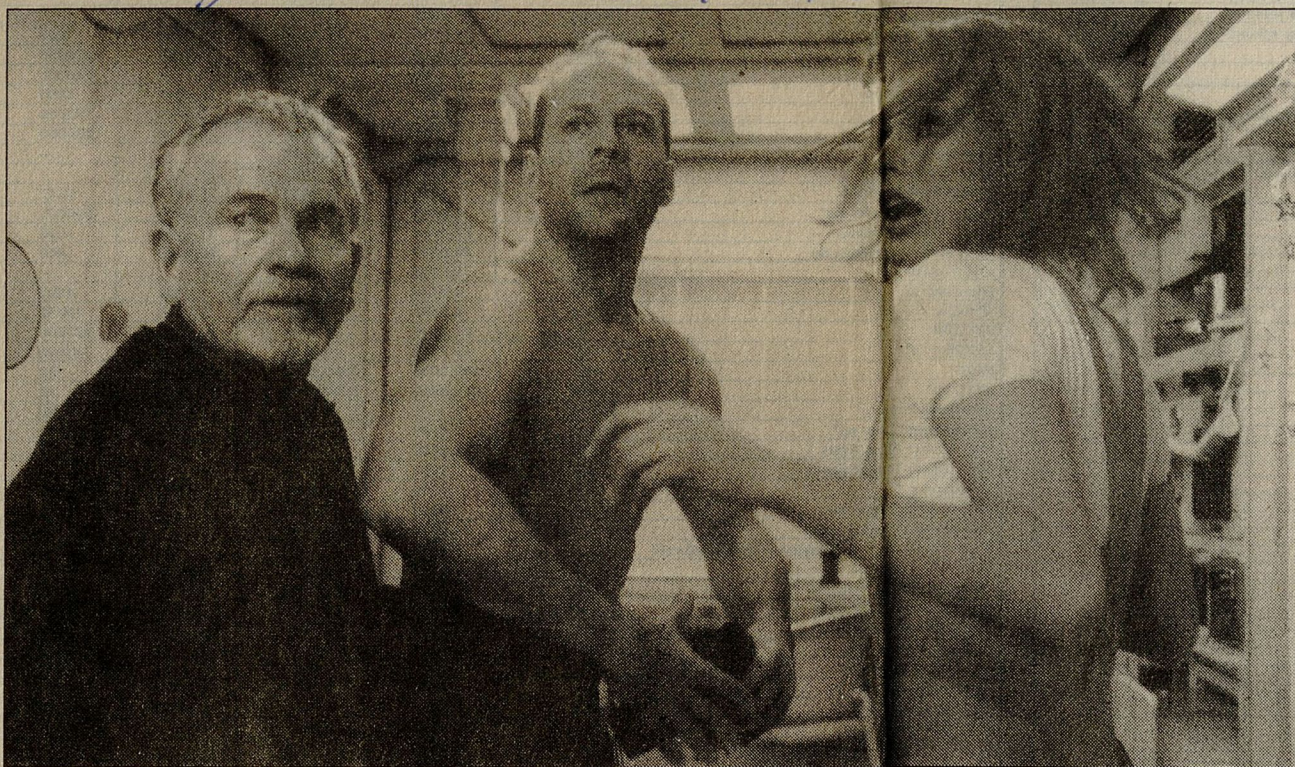
Искусство освоения бюджета

Московская премьера «Пятого элемента»

Андрон Михалков-Кончаловский, приступая к постановке торжественного шоу на Красной площади, сетовал на то, что просадить деньги всякий сможет. Вот истратить их с умом — это действительно искусство. Начиная со вчерашнего дня яркий образчик этого искусства демонстрируется в Москве.

Пресс-показ накануне официальной премьеры вызвал изрядное возбуждение прогрессивной столичной молодежи. Пробираясь по лестнице перекрещенной в «Пушкинский» «России» я прислушивался к обрывкам речей. Звучало: «...на последней паре...», «...завтра одни лекции...», «...а у меня лабораторки». Вокруг — студенты, смекнул бы Штирлиц. И вот, Штирлицем сидя в серьгастой, дизельной, платформенной толпе, я вкусил модных элементов. Что ж, сравнивать Бессона с Птушко или Роу? Это как сопоставлять Копперфильда с Кио: по сути наши-то, может, и круче были, но упаковка... Публика принимала фильм восторженно: незамысловатая ирония срывала доброжелательный аплодисман. Звук, никак не дававший успокоиться в моем желудке съеденному перед просмотром «биг-маку», заведомо-её гаве-парти не напрягал, а напротив, радовал. А зрелище? В общем, в одну силу с поп-корном или макдональдской едой — не разочарует.

Брюс Уиллис играет того, кого он всегда играет: заспанного, вколотенного, невозмутимого. О том, что процитированы, кажется, все фильмы с его участием, и говорить нечего. Гарри Олдман, хоть и вращает глазами вполне исправно, выглядит скорее манекеном, которого костюм от Готье как-то подавил. Звероватая, экзотическая и темпераментная Мила Йовович песни не портит — более того, ее

Герой Брюса Уиллиса и в далеком будущем обречен носить маечки. Он полюбил совершенную женщину по имени Лилу (Мила Йовович) с первого взгляда. Она же с первого взгляда полюбила наряды от Gaultier, а Брюса только потом, пристрастившись. Священник (Иан Холм), кажется, забрал в «Пятый элемент» из «От заката до рассвета».

героиня единственная, в чьем характере есть хоть какая-то динамика.

Совершенно, однако же, необязательная. «Пятый элемент» — это не про психологию. Это даже не история — сюжет циклопического клипа мог быть каким угодно. Битва добра со злом? Разве такая, к которой призывал Б. Г.: «На битву со злом взвейся, сокол, козлом». Темное начало, которое мы в соответствии с русской классической традицией привыкли

отыскивать внутри нас самих, у Бессона представлено в виде какого-то темно-огнистого шара. Диаметр указан с трогательной точностью — 1200 миль. Шар летит к земле, того и гляди бабахнет. Спасти дело может только Максим Максимович Уиллис.

Фильм, собранный вроде конструктора — не из пяти, а из ста пятидесяти пяти готовых элементов, смотришь, как листают глянецвый журнал: ухватить взглядом дюжину

картинок да и закрыть. Можно и прочитать что-то (то есть усмотреть в «Пятом элементе» и смысл, и философию), но для этого требуется своего рода конвенция. Журнал с самого начала не обещает никаких открытий, но гарантирует определенное качество времяпровождения. Так, взявшись штудировать статью о том, как разнообразить свою половую жизнь, читатель не вправе рассчитывать ни на что, кроме рекомендации

однажды на уик-энд попробовать открыть для себя кожаное белье. Написано хорошо? Фотокарточка бюст-из буйволовой кожи прилагается? Все, будьте довольны.

Так и фильм-журнал. С каждым отдельным кадром, с каждой составляющей фильма все в полном порядке: костюмы затейливые. Музыка модная. Компьютеры исправно молотят спецэффекты. Актеры играют. Пиротехники рвут заряды в строгом соответствии с правилами техники безопасности. Смысл? Разве что постмодернистский какой: в том, дескать, и состоит message, что нет никакого message. И не будет, и не надо, и быть не должно. И никого не жаль и ничего не жаль.

В этом-то, собственно, и состоит единственный и роковой дефект нового фильма Бессона: решительно никто из героев не вызывает никакого сочувствия. Никиту и ее приятелей было жаль. Леона-киллера и опекаемую им девочку было жаль. Отдельного человека всегда жаль. А вот инопланетян, галактики, даже, страшно вымолвить, человечество в целом — никогда.

Конечно, фильм в России, упоенно осваивающей прелести цивилизации потребления, обречен на успех. (Хотя нравиться и иметь успех в данном случае не одно и то же.) Еще бы! Брюс — это наше все, Илья Муромец двадцатого века, зеркало наших похмелей. Мила — вообще русская, по-нашенски необузданно завоевывает Голливуд. Люк — да вслушайтесь в фамилию! — тоже на самом деле Лука Бессонов. Все красиво, гладко. Все сходится, все закладывается. Но вот, московские бросопоклонники и милорески аплодировали на начальных титрах. На финальных — вышли молча да заспешили в метро.

МИХАИЛ НОВИКОВ

Мила Йовович:

все мы немножко секс-символы

Красивая женщина — всегда чудо. Миле Йовович к тому же удастся создать неожиданный эффект. Удивительные черные сапоги на колоссальной шпильке в стиле back in USSR как-то рифмуются со скифскими скулами звезды. Славянская вамп: черные волосы, голубые глаза. С очень модной девушкой побеседовал МИХАИЛ НОВИКОВ.

— Основная идея «Пятого элемента»: через 300 лет на земле останется так мало любви, что для спасения человечества необходимо будет вмешательство внеземных сил. Считаете ли вы, что когда-нибудь это может произойти?

— Я считаю, что это уже происходит. Никто ни о ком не заботится, люди интересуются только собой и своими семьями, истинная страсть становится редкостью.

— Говорят, вы критически относитесь к Голливуду.

— Я думаю, что любой актер может высказать какие-то претензии к Голливуду. Но это — как две стороны медали. Дело в том, что там кино становится обыкновенным бизнесом. Этого недостаточно для актера, страстно любящего свою работу.

— Каково работать с Брюсом Уиллисом?

— Просто замечательно. Он великолепен и очень профессионален. К тому же он играл в нашем фильме совсем не из-за денег. Здесь его гонорар гораздо меньше, чем всегда.

— Он всегда играет самого себя, не так ли? — Знаете, мне кажется, он это делает с некоторой долей гротеска. Он — супер-герой и всегда играл таких, поэтому юмор в его ролях очень уместен.

— Как вы относитесь к тому, что в будущем можете, как и Брюс Уиллис, стать своего рода символом поколения, даже секс-символом?

— Я думаю, каждая актриса отчасти становится секс-символом, и это естественно. Я только хочу сниматься в хороших фильмах и чтобы публика ходила на них, пусть даже и видя меня в роли секс-символа.

— Таким образом, вы используете свою красоту как инструмент?

— Я хочу предстать такой, какая я есть, и использовать все, что имею.

— Как вы думаете, тезис «красота спасет мир» по-прежнему актуален или уже устарел?

— Сейчас наиболее востребованными стали актрисы, близкие по типу к обычным средним женщинам. Тип кинозвезды старого образца уже не так актуален. Для меня проблема сос-

Невыносимая легкость бытия: Мила утверждает, что Люку нравятся женщины сильные и целеустремленные. Люк говорит, что Мила очаровала его безудержной легкостью и непри- нужденностью

тоит в том, что моя внешность не совсем обычна для американки — в Голливуде она кажется или слишком экзотичной, или слишком европейской.

— Вы сыграли весьма привлекательную, но при этом искусственную женщину. Героиня «Никиты» — тоже гомункулус. Что вы думаете о персональном вкусе вашего режиссера?

— Я сыграла очень сильную женщину, с интересным характером. Люку Бессону нравятся женщины красивые и наделенные определенной силой. Женщины в его фильмах любят рисковать и ведут себя по-мужски.

— Вам нравится быть сильной. Ваш любимый вид спорта?

— Я не занимаюсь спортом. Моя сила носит не физический характер. Она идет от того, что я пишу, от того, как я играю, от книг, которые я читаю, от знаний, которые я приобретаю.

38-летний Люк Бессон похож на плейбоя. На человека делового, занятого, обладающего властью, силой, мужской неотразимостью. Даже в голову не приходит прекословить таким людям. Разговор с ними надо начинать со слов обожания, иначе это выглядит невежливо. А я эту невежливость проявила, и Бессон сурово велел убрать со стола отвратительную пепельницу, не курить и рассчитывать ровно на четыре минуты. К счастью, и через двадцать минут организаторам с трудом удалось остановить красноречие человека, которому есть что сказать. С ЛЮКОМ БЕССОНОМ беседует ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА.

— На просмотре вашего фильма «Пятый элемент» зал был переполнен, но почти все зрители были юными, 18-20 лет. В других странах ваши поклонники — тоже в основном молодежь?

— Нет, мой фильм смотрят все, восьмилетние внуки приходят к дедушками и бабушками. Но вообще, основная кинопублика — люди до 25 лет. Кино — это седьмое и последнее из родившихся искусств. Поэтому оно как бы резюмирует все остальные. Оно и литература, и живопись, и танец, и театр. И во всем этом кино-режиссер должен быть талантлив и грамотен. Кино на сегодняшний день — это базовое образование: подростка невозможно заставить слушать Моцарта, читать Бальзака, смотреть Ван-Гога, изучать философию. А кино он смотрит, и там началам всего этого обучаются, на основе кино он уже в состоянии будет воспринимать другие искусства.

— Героиня вашего фильма — совершенное существо. Была ли у вас идея

сделать «совершенный» фильм? В нем есть все: мелодрама, фильм-катастрофа, философия, мистика, инопланетяне, президент, история человечества, Брюс Уиллис, ежесекундный саспенс — прямо как в ресторанном меню, и он кажется изначально ориентированным на коммерческий успех.

— Если у вас есть рецепт коммерческого успеха, напишите об этом книгу — и вы скажочно разбогатеете в Америке. Из 25 голливудских фильмов 22 проваливаются.

— Значит, вы об этом не думали?

— О чем?

— О коммерческом успехе.

— Когда пишут Джоконду, разве думают о том, что она будет висеть в Лувре? Мой фильм имеет огромный коммерческий успех, но об этом надо говорить с продюсером. Я — режиссер. Я сочиняю историю.

— Но ваша история изначально рассчитана на большой бюджет...

—...Вы только о деньгах и думаете. А я сочиняю сердцем, страстью, желанием, это дело бизнесменов считать, принесет там что прибыли или нет, какой бюджет... Когда, скажем, машину покупают, думают не о том, дорогая она или дешевая — покупают ту, что нравится. И чтоб по карману, конечно, но... но вы, русские, не о том думаете. Ваша страна столько лет жила в... как сказать... ментальной ограниченности, замкнутости. Вам надо, чтобы люди снова научились улыбаться, чувствовать, любить. Экономика приложится. Деньгодатель склоняется перед художником, а не наоборот. Бизнесмены знают, как делать деньги, и всегда их делают — был бы художник, который предложит что-то интересное.

— Ваш фильм вы делали как игру, разыгранную историю или это, прежде всего, message?

— Я впервые сказал в фильме столько важных вещей, и в то же время с улыбкой. Чем мы старше, тем больше в ладу с самим собой, и потому можем подходить ко всему с юмором. Надо сказать, и зритель лучше воспринимает, когда с юмором. У русских вот совершенно нет юмора, у них все так... так...

— Серьезно?

— Тяжеловесно. Наверное, русских шокирует мой язык: внутренняя интенсивность, поданная столь легко?

— За это можете не волноваться. А что, скажите, определило ваш выбор Милы Йовович на роль совершенного существа?

— Она была лучшей. Не в смысле, что она совершенна, она — актриса, которая может сыграть совершенство. Как она работала! С таким рвением, усердием (молодые обычно легкомысленны), и это как раз русская черта: раз взялся, выкладываться полностью. Даже удивительно для почти что дебютантки. В ее данных меня соблазнило то, что она может казаться и пятнадцатилетней, и восьмидесятилетней, и женщиной, и мужчиной, что и национальность ее неопределима — я искал именно существо символическое, которое нельзя было никак классифицировать.

— В вашем фильме сначала все определяется судьба. Перед ней человек беспомощен. Затем выясняется, что и судьба — ничто без усилий человеческой воли, причем сверхусилий. В конце выясняется, что и это — ничто без любви. Так что же все-таки главное?

— Любовь. Это то единственное, ради чего стоит жить.

Дикий ребенок французского кино

Бессон — культовая фигура по крайней мере в двух странах — во Франции и России. Правда, во Франции воцариться в этом качестве режиссеру было труднее. Не считая фильма-дебюта «Последний бой», все остальные его картины более или менее презирались французскими интеллектуалами. Одни — за «отсутствие предмета» («Подземка»). Другие — за бюджетную гигантоманию: «Пятый элемент» стоил 90 миллионов долларов, открыв в этом году Каннский фестиваль, тут же был разнесен в пух и прах критиками. «Голубая бездна» и «Леон» — за то, что сняты по-английски и, согласно новым правилам, не могут считаться французскими фильмами.

Даже нашумевшая «Никита» получила «Сезаров» (высший французский киноприз) не во всех номинациях, а только в одной. Бессон еще больше раззадорил прессу, отказавшись предоставить перед премьерой материалы об этом фильме — кроме одной фотографии, на которой ничего не было видно. Высококобый киножурнал «Кайе дю синема» напечатал этот снимок, перечеркнув его черной краской. «Премьер» поместил иронический репортаж с первого показа картины.

Теперь, надо признать, времена изменились. «Кайе дю синема» называют Бессона «ставкой 90-х годов», мифологическим айсбергом, «современным неандертальцем» полным первобытной веры и силы. В России все было про-

ще с самого начала: Бессон дошел до нас, когда постмодернистские игры стали в кинематографе привычными, и режиссеру не пришлось доказывать, что он имеет некоторые права. Не самовыражаться. Не считать себя принадлежащего высокой культуре. Рассказывать незатейливые сказочные истории, полные саспенса, романтики и сентиментальности. Нравиться неискушенной публике.

Бессон принадлежит «новой новой волне» или «новому барокко», но отринул многие ценности первой, более элитарной и синефильской «новой волны», прошумевшей на рубеже пятидесятих-шестидесятых. Тех называли выросшими в киноархивах «синематечными крысами», а Бессон до одиннадцати лет вообще не был в кино. И все-таки он остается незаконным сыном «новой волны», ее выросшим вне цивилизации «диким ребенком» (был когда-то такой фильм у Франсуа Трюффо). Бессон объединяет с предшественниками идея романтического бегства от рутины, а также понимание кино как образа жизни.

Бессон, родившийся в 1959 году, провел детство на море, между Грецией и Югославией. Его отец и мать работали инструкторами подводного плавания. Десятилетний Бессон как-то вечером поплыл за дельфином и в течение трех часов кувырчался с ним в открытом море. Режиссер признавался, что именно тогда в виде двухсоткилограммового дельфина встретил идеальную модель жизни — беззаботной, всегда готовой к игре, дружбе, любви.

После несчастного случая Бессону запретили нырять. Но он все же снял «Голубую бездну» — потрясающий гимн морю. Летом 1988 года у спасателей на французских пляжах было по горло работы. Из воды вытаскивали десятки подростков, пытавшихся побить рекорд героя фильма — гениального ныряльщика Жака Майоля, способного останавливать свое сердце. Бессон открыл новый наркотик и выразил чувства «поколения Голубой бездны» — поколения, утратившего перспективу в реальной жизни и устремленного к иной.

Культовыми стали и персонажи «Подземки», «Никиты», «Леона». Войдя — хотя бы ненадолго — в жизнь Бессона, стали воплощениями его странных фантазий такие разные исполнители, как Изабель Аджани, Кристоф Ламбер, Жан-Марк Барр, Анн Парийо. Почти срослись с режиссером актер Жан Рено и композитор Эрик Серра. Последний написал и полуторчасовой саундтрек «космической музыки» для фильма «Пятый элемент». Но остальная часть команды заметно американизировалась — ее возглавили Брюс Уиллис и Гарри Олдман. Жан-Поль Готье, гордость французской моды, создал для фильма более 100 оригинальных костюмов. Компания Swatch в качестве спонсора выпустила специальные часы «Пятый элемент», а крупные компьютерные фирмы помогли со спецэффектами. Только на канскую премьеру картины фирма «Гомон» потратила \$3 млн.

В этом фантастическом опусе Бессон возвращается к жанру своего фильма-дебюта «Последний бой». Но если тогда, по признанию режиссера, он «играл во взрослого», теперь Бессон возвращается к своему детскому естеству. Игрушки Бессона, надо заметить, становятся все более дорогими.

АНДРЕЙ ПЛАХОВ

Художника обидеть может всякий, а чему-нибудь путному научить — почти никто. На съемках «Пятого элемента» Люк Бессон наконец объяснил Брюсу Уиллису, как нажимать на курок